

АНТИСЕМИТИЗМ ВО ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ КАК ОДНА ИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ПОЛЬСКОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА

А.В. Макушин, Д.В. Суржик (Москва)

Современный польский официальный взгляд на события 1939–1945 годов построен на выстраивании образа «жертвы двух диктаторов». Для создания этого образа исторические факты, которые не вписываются в него, стремятся придать полному забвению. Одним из таких фактов стало участие граждан бывшей Польской республики, польского и не польского этнического происхождения в Вермахте, подразделениях СС, полиции, военизированных организациях и «добровольных помощников» – «хиви».

Завоевательные и колониальные планы Адольфа Гитлера опирались не только на немцев: рейхсдойчей – оставшихся в Германии по итогам Версальского договора 1919 г., и фольксдойчей – немецкой диаспоры за рубежом. Стремление фюрера к гегемонии в Европе опиралось на большую массу добровольцев из «арийских народов» в начальный период Второй мировой войны, а после 1943 года – на всех, кого могли «поставить под ружьё». Польша, как и другие завоёванные нацистами территории, не избежала феномена сотрудничества с врагом (коллаборационизма). Чем было обусловлено предательство национальных интересов на примере бывших граждан второй Речи Посполитой? Какими были мотивы, основные формы и число пособников оккупантов?

Одной из предпосылок сотрудничества с нацистскими оккупантами была общность во взглядах, в частности – на «еврейский вопрос». Согласно переписи 1931 г., 3 130 581 граждан Польши обозначили свое вероисповедание как иудаизм. К 1 сентября 1939 г. это число выросло и по мнению некоторых авторов составляло 3 474 тысячи человек, или около 10% населения республики. Они проживали преимущественно в городах (77%), а 23% – в сельской местности. Согласно той же переписи, 79% иудеев назвали своим основным языком идиш, 12% – польский язык и 9% – иврит. Большинство евреев традиционно проживало в восточных районах, где они составляли от 50% до 70% горожан. Евреи были заняты в мелкотоварном производстве, торговле, отчасти – в сельском хозяйстве и «свободных профессиях». 22% польских журналистов, 33 юристов, 43% учителей и 56% врачей были евреями [12; 20, р. 27–28; 21].

Современная официальная польская историография стремится представить антисемитизм во второй Речи Посполитой как следствие «темного наследия» царских времен и антибольшевистской пропаганды российских белогвардейских офицеров. Именно так Е. Томашевский изображает предпосылки крестьянского бунта 1918–1919 гг., разгоревшегося вблизи Жешува против евреев, помещиков и государственной власти. Отметим, что тот же

Е. Томашевский в более ранних трудах не стеснялся говорить о дискриминационных мерах польских властей в отношении евреев, оговаривая, что последние носили спорадический, а не системный характер [19, с. 205–206]. Доктор Гжегшож Мотыка из Института национальной памяти откровенно признает ответственность поляков в начале Волынской резни. По его сведениям, этнический конфликт начался с убийства 624 чехов и 124 украинцев в городке Малин, которое совершили нацисты вместе с польской «синей полицией» в июле 1943 г. в ходе карательной операции [18]. Иностранцы более свободно говорят о широком распространении антисемитизма в межвоенной Польше. Так, У. Хаген, основываясь на мемуарах Невилла Хаски, делает вывод, что основной польской политической силой, выражавшей антисемитизм, была Национально-демократическая партия Р. Дмовского. Впрочем, как показывает Хаген, и без участия НДП режим «пилсудчиков», вел последовательную политику по отчуждению евреев из общественной, политической и экономической жизни страны.

28 июня 1919 г. польские представители подписали «Версальское соглашение», 93-я статья которого гласила: «Польша принимает... постановления... для защиты интересов жителей, отличающихся от большинства населения по расе, языку и религии» [2, с. 45]. Именно религия (наряду с языком) стала той основой, на которой радикальные польские политики собирались построить свою государственность. Религиозный мистицизм пронизывал польскую политическую публицистику межвоенных лет. При этом главное место отводилось аллюзии на воскресшего после распятия Христа, под которым понимали возродившую свою государственность Речь Посполитую. Все ее враги неизменно обретали черты мистического зла, а борьба с ними обретала апокалиптический характер.

Поэтому в том же году, когда Польша подписала Версальский мир с указанными выше гарантиями, Варшава их нарушила. С государственных железных дорог были уволены сотрудники еврейской национальности. Население второй Речи Посполитой с момента возникновения подвергалось активной националистической и антисемитской пропаганде, которая усилилась в середине 1930-х гг. Антисемитизм выражался также в широко развитом «образовательном апартеиде». В межвоенной Польше он получил название «гетто за партами» (*getto ławkowe*), когда для студентов-евреев выделяли в особые места в университетских аудиториях. Первыми до этого додумались в Львовской политехнической школе в 1935 году, а к 1937 году эту меру ввели во всех университетах при активной поддержке министерства образования.

Главным выразителем антисемитизма в Польше была Национально-демократическая партия Р. Дмовского (Национально-демократический союз или Национальная партия, а позднее – «Лагерь Великой Польши»). Партия входила в правительственную коалицию вплоть до 1926 г. и являлась проводником крайних форм ассимиляции национальных меньшинств.

По мнению эндеков, национальные диаспоры являлись конкурентами полякам, и должны быть ограничены в своих правах по сравнению с титульной нацией. Особенно это касалось евреев, которых Дмовский требовал отделить от национальной культуры и «покончить с еврейской главой [польской] истории» [13, р. 368].

Национал-демократы опирались на мелких лавочников, крестьян, богатых фермеров, хотя полностью завоевать симпатии сельского населения им не удалось. Социальной базой партии были также «белые воротнички», в некоторой степени – католическое духовенство и, особенно после 1918 г. – на студенты, чье число стремительно росло в межвоенной Польше. После государственного переворота Ю. Пилсудского в 1926 г., НДП раскололась. Часть ее присоединилась к Пилсудскому и его Польской социалистической партии, а оставшиеся приняли полуфашистские взгляды. Единственное, что (по мнению газеты польских евреев «Наш взгляд») отличало эндеков от нацистов, было отсутствие у первых требования «аризировать» имущество из-за бедности польских евреев.

После смерти Пилсудского, в 1935–1937 гг., пользуясь попустительством властей, эндеки провели ряд «национальных бойкотов» – погромов, сопровождавшихся убийством и ранением не менее 500 евреев и мародерством [11, р. 21]. Национальная партия на выборах 1937 г. выступала с весьма откровенным лозунгами: «Евреи – наш главный враг», «Наша главная задача и долг – убрать евреев из всех сфер общественной, экономической и культурной жизни Польши». Это означало лишение избирательных прав, создание барьеров в получении высшего образования, службе в вооруженных силах, работе в прессе и других интеллектуальных профессиях. Это также означало изгнание евреев из бизнеса, лишение их права собственности на землю. Польское государство, по мнению эндеков, должно поощрять поляков к «вытеснению» евреев из всех этих сфер и к полной «полонизации» городов с тем, чтобы выселить евреев в гетто.

В 1937 г. правительство создало партию «Лагерь национального единства» (ЛНЕ, польск. OZN или OZON). Она должна была стать социальной базой политики «санации», а также взять на себя голоса радикальных движений. Однако, завоевав большинство в Сейме, ЛНЕ, начала продвигать антисемитские законы, аналогичные тем, что принимали западные соседи Польши. Они опирались на целенаправленную государственную политику по изоляции евреев, лишая их лицензий на ведение бизнеса, крупных кредитов, налагая ограничения на их торговые фирмы. Эти шаги имели серьезные последствия, учитывая довлеющую роль государства в экономике второй Речи Посполитой. Центральная власть также отказывала в регистрации новым общественным объединениям евреев. «Лагерь национального единства», хоть, формально, и оппозиционный национал-демократам, поддержал их в проведении «национальных бойкотов» евреев.

В августе 1936 г. польское правительство распорядилось о необходимости указывать имя владельца на всех вывесках магазинов. Тем самым налицо была их принадлежность евреям и, по утверждениям некоторых исследователей, это способствовало антисемитским нападениям. 1 января 1937 г. вступил в силу закон, который позволил польскому правительству регулировать, а районным властям, где евреи насчитывали менее 3% населения – запрещать забой скота на кошерных скотобойнях. В мае 1937 г. евреи были изгнаны из польских медицинской и адвокатской ассоциаций, а в апреле 1938 г. – из Банка Польши. Но самым чувствительным был принятый «пилсудчиками» в марте 1938 г. новый закон о гражданстве. По нему 30 октября 1938 г. аннулировались паспорта тех граждан Речи Посполитой, что проживают более 5 лет за границей. Закон не был направлен напрямую против евреев, но привел к «Хрустальной ночи». Дело в том, что с 1911 г. в Ганновере проживала переехавшая с территории Царства Польского семья Зенделя и Рифки Гриншпан. В связи с наступлением нового польского закона о гражданстве Гриншпаны, равно как и 15 000 других польских евреев на территории Германии в одночасье стали лицами без гражданства и были депортированы нацистами в Польшу. Но власти Речи Посполитой отказались их принять и поместили в лагерь для перемещенных лиц в городке Збоншинь. 7 ноября 1938 г. Гершель Гриншпан, получивший открытку от родителей об их злключениях, в порыве мести расстрелял третьего секретаря немецкого посольства в Париже Э. фон Рата. Это известие послужило поводом к серии погромов в ночь с 8 на 9 ноября 1938 г., получивших название «Хрустальной ночи», и принятию Нюрнбергских расовых законов, еще более ограничивших права немецких евреев [9; 10; 16, p. 90–91; 22, p. 179–194; 23, p. 43; 26].

Тем временем польский министр иностранных дел Й. Бек разрабатывал план выселения евреев из Польши. Следуя за идеологом антисемитизма П. де Лагардом [7], дипломат считал, что для этой цели вполне подойдет остров Мадагаскар [5]. И в этом глава внешнеполитического ведомства второй Речи Посполитой сходилась с нацистским руководством [6].

Антисемитизму на государственном уровне противостояли Польские крестьянская и социалистическая партии и Бунд. Но их борьба, как отмечают американские исследователи, лишь укрепляла непримиримую позицию авторитарной власти «пилсудчиков» [13, p. 373]. Впрочем, внутренняя политика режима «санации», приводила к возникновению межнациональных конфликтов не только с еврейским, но и другими, прежде всего – с украинским и белорусским меньшинствами. Проблемы, порожденные земельной политикой на территории Западных Украины и Белоруссии, привели к увеличению польских землевладельцев и обнищанию местного населения [24, s. 102–205]. Попытки национальных меньшинств противостоять этому были пресечены полицейскими акциями, санкционированными польским руководством. Это было одной из причин быстрого поражения в ходе

германо-польской компании 1939 года. Призывники из «крессов восточных» не желали воевать за режим, который проводил ассимиляцию и стремился к уничтожению их национальной идентичности. Нацистское вторжение застало Польшу в самом разгаре борьбы вокруг «еврейского» и других национальных вопросов, которые стали важным фактором внутренней слабости второй Речи Посполитой перед внешней агрессией.

Оккупированная Третьим рейхом польская территория была разделена на две части с разным правовым статусом населения. Северо-Западная часть Польши (Познань, Катовице и польское Поморье) была декретом А. Гитлера от 8 октября 1939 г. включена в состав Германского рейха, из этих земель были образованы рейхсгау «Западная Пруссия» (2 ноября 1939 года переименовано в рейхсгау «Данциг – Западная Пруссия»), а также рейхсгау «Позен» (с 29 января 1940 года – рейхсгау «Вартеланд»).

Из этих двух рейхсгау в генерал-губернаторство было депортировано полтора миллиона поляков, место которых заняли фольксдойчи из Прибалтики и других регионов [15, р. 17]. Население этих двух рейхсгау даже не немецкого происхождения (кашубы, силезцы) признавалось равным «арийским народам» и подлежало призыву. Несмотря на миф о «немецком идеальном порядке», точных данных о бывших гражданах Польши из этих земель, которые надели мундиры цвета «фельграу» нет. Тем не менее, опираясь на современные исследования, можно составить примерное представление о численности поляков в вермахте. В авторитетном отечественном труде «Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь» говорится о 60 277 поляках в составе вермахта, плененных Красной армией [1, с. 369]. С другой стороны, немецкий историк Рольф-Дитер Мюллер «Речь идет об Эльзасе, Лотарингии, Эйпен-Мальмеди, а также о польских немцах, то есть о 8% наличного состава всех вооруженных сил Германии» [3, с. 283]. Если учесть, что всего в вермахт в годы Второй мировой войны были призваны 21 млн 107 тыс. человек, то число фольксдойчей в нем составляет примерно 1,7 млн человек. Еще определеннее о числе бывших граждан второй Речи Посполитой на военной службе Третьего рейха говорит польский профессор Ежи Кочановский: «На польских землях (в первую очередь в горах вокруг Силезии), были мобилизованы около 250 000 человек» [14, s. 309]. Они подлежали обязательному призыву по законам «О гражданине Рейха» (от 15 сентября 1935 г.) и «Об обороне» (от 16 марта 1935 г.).

В 1940–1942 годах нацисты, рассматривая польскую территорию как колонию Третьего рейха, ограничились лишь набором трудовых резервов, созданием полицейских сил из бывших польских граждан украинской национальности. Этому способствовало присоединение к генерал-губернаторству пятого дистрикта «Галиция». По некоторым сведениям, призывы восточные польские крессы дали оккупантам 5–12 тысяч украинских и 2–2,2 тысяч польских коллаборантов в ряды 202-го и 107-го полицейских батальонов [25]. Каждый из них, проведя несколько карательных

акций, показал низкую лояльность немцам, а после в связи «Волынской резней» с весны 1943 г. в них наблюдалось массовое дезертирство.

Оставшиеся в распоряжении немцев польские полицейские вошли в состав 1-го и 2-го батальонов 2-го гренадерского полка (штурмбанфюрер СС Гельмут Ганц) бригады Зиглинга [4, с. 283]. В бригаде наблюдалось массовое дезертирство поляков в «Армию Крайову».

Кроме этих добровольческих формирований из поляков нужно упомянуть «бригаду Святого Креста» (польск. «Brygada Świętokrzyska»). Сегодня ее представляют борцами за «свободу Польши», но в действительности это подразделение было сформировано из числа членов «Национально-радикального лагеря». Эта партия исповедовала крайне националистические и антисемитские взгляды, схожие с «Нюрнбергскими расовыми законами» и книгами А. Гитлера и А. Розенберга с заменой «арийской нации» на «польскую нацию».

Неудивительно, что с момента своего формирования солдаты этой бригады активно участвовали в карательных акциях против своих же соплеменников, которые придерживались коммунистических и социалистических взглядов. В январе 1945 года вступив в бои с Красной армией, «бригада Святого Креста» координировала свои действия с командованием 59-го корпуса вермахта. После этого в штаб бригады было откомандировано несколько немецких офицеров для связи с начальником радомского гестапо гауптштурмфюрером СС Полом Фуксом.

Несмотря на самоубийство фюрера, бригада до 5 мая 1945 года воевала на гитлеровской стороне. 6 мая бригада перешла на сторону союзников, и совместно с американской армией освободила город Пльзень. Командование американских войск, посчитав их своими союзниками, не стало разбираться в истории подразделения, и доверило контроль над территорией, прилегающей к Пльзеню. «Идиллию» нарушила статья «Польские фашисты правят пятью чешскими деревнями» в журнале «Ньюс кроникл» за 30 июля 1945 г. Уже 6 августа 1945 г. «бригада Святого Креста» была расформирована, но, несмотря на вынесенные в Польше приговоры, американское правительство не выдало ее участников [8; 17].

В послевоенные годы польское правосудие было крайне лояльно к бывшим нацистским пособникам и полицейским. Из солдат 202-го батальона большинство отделалось небольшими сроками заключения, из числа сотрудников «синей полиции», которые остались в Польше, после войны были осуждены лишь около 20% [27].

Современное политическое руководство Польской Республики использует историю как инструмент для получения экономических и политических выгод. Внутри самого польского общества пока еще есть попытки противостоять героизации гитлеровских карателей и убийц, но продолжающаяся политика пропаганды идей крайнего национализма и «Польши от моря до моря» ведет к тому, что рядовой польский гражданин начинает верить в образ

«вечной жертвы алчных соседей, отнявших исконные польские земли» и «благородного рыцарственного польского воина». Использование истории как оружия для достижения сиюминутных целей неизбежно приводит сперва к «войнам исторической памяти», пример которых мы можем сейчас наблюдать. Попытки официальной Польши возложить на СССР ответственность за начало Второй мировой войны и геноцид народов Восточной Европы преследуют цель скрыть участие польского руководства в этом процессе. Одной из задач этого является и стремление забыть об участии поляков в боевых действиях на стороне Вермахта и совершения ими военных преступлений, в том числе против собственного народа. Задачей российских историков в данной ситуации является изучение вопросов начала и хода Второй мировой войны, осмысление фактов и популяризация исторического знания в современном российском и зарубежном обществе.

Источники и литература:

1. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. – М. : Вече, 2010. – 388 с.
2. Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника / под ред. проф. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина, со вступ. стат. проф. Ю.В. Ключникова. – М. : Изд-во Литиздата НКВД, 1925. – XXXI, 198 с.
3. Мюллер, Р.-Д. На стороне вермахта: иностранные пособники Гитлера во время «крестового похода против большевизма», 1941–1945 гг. / Р.-Д. Мюллер. – М. : РОССПЭН, 2012. – 303 с.
4. Романько, О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС / О.В. Романько. – М. : Издатель Быстров, 2006. – 668 с.
5. Шмидт, В. Антисемитский «Мадагаскарский план» в предвоенной Польше 1936–1939 гг. / В. Шмидт // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2018. – № 3 (14). – С. 25–36. doi:10.24411/2409-1413-2018-00028.
6. Brechtken, M. Madagaskar für die Juden: Antisemitische Idee und politische Praxis 1885–1945 / M. Brechtken. – München : Oldenbourg, 1998. – 336 s.
7. de Lagarde, P. Schriften für Deutschland / P. de Lagarde. – Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 1933. – 216 s.
8. Detka, K. Militarne i polityczne aspekty funkcjonowania Brygady Świętokrzyskiej NSZ w latach 1944–1945 i powojenne losy jej żołnierzy / K. Detka. – Kielce, 2018. – 94 s.
9. Die Judenpolitik des SD 1935 bis 1938: Eine Dokumentation / Hsrg. M. Wildt. – München : Oldenbourg, 1995. – 220 s.
10. Friedländer, S. Nazi Germany and the Jews, 1933–1939 / S. Friedländer. – N. Y. : Harper Collins, 1997. – XII, 436 p.
11. Gilbert, M. The Routledge Atlas of the Holocaust / M. Gilbert. – Abingdon : Routledge, 2009. – 289 p.
12. Główny Urząd Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 1938. S. 18–19 [Zasób elektroniczny]. – Tryb dostępu: http://statlibr.stat.gov.pl/exlibris/aleph/a22_1/apache_media/VUNVGMLANSCQQFGYHCN3VDLK12A9U5.pdf. – Data dostępu: 29.03.2020.
13. Hagen, W. W. Before the “Final Solution”: Toward a Comparative Analysis of Political Anti-Semitism in Interwar Germany and Poland / W. W. Hagen // The Journal of Modern History. – 1996. – Vol. 68, № 2. – P. 351–381.

14. Kochanowsky, J. Polacy do Wehrmachtu? Propozycje i dyskusje 1939–1945. Zarys problem / J. Kochanowsky // Przegląd Historyczny. – 2002. – № 93/3. – S. 307–320.
15. Littlejohn, D. Foreign legions of the Third Reich : in 4 vol. / D. Littlejohn. – San Jose (CA) : R. James Bender Publishing, 1994. – Vol. 4. – 381 p.
16. Melzer, E. No Way Out: The Politics of Polish Jewry, 1935–1939 / E. Melzer. – Cincinnati : Hebrew Union College Press, 1965. – 248 p.
17. Motyka, G. Lekcja historii dla premiera Morawieckiego, czyli jak Brygada Świętokrzyska NSZ trzech Żydów spotkała [Zasób elektroniczny] / G. Motyka // Gazeta wyborcza. – 06.03.2018. – Tryb dostępu: <https://wyborcza.pl/7,75968,23104117,jak-brygada-nsz-trzech-zydow-spotkala.html>. – Data dostępu: 30.03.2020.
18. Motyka, G. Polski policjant na Wołyniu / G. Motyka, M. Wierzbicki // Kwartalnik Historyczny. – 1998. – № 24. – P. 126–140.
19. Najnowsze dzieje Żydów w Polsce w zarysie, do 1950 roku / Ed. J. Tomaszewski. – Warszawa : PWN, 1993. – 498 s.
20. Pogonowski, I. C. Jews in Poland: A Documentary History / I. C. Pogonowski. – N. Y. : Hippocrene Books, 1993. – 402 p.
21. Polish Jews in World War II [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.info.kalisz.pl/Statut/JewsWar2.htm>. – Date of access: 06.10.2008.
22. Rabinowicz, H. M. The Legacy of Polish Jewry: A History of Polish Jews in the Inter-War Years, 1919–1939 / H. M. Rabinowicz. – N. Y. : Y. Yoseloff, 1965. – 256 p.
23. Read, A. Kristallnacht: The Nazi Night of Terror / A. Read, D. Fisher. – N. Y. : Times Books, 1989. – 306 p.
24. Siwicki, M. Dzieje konfliktów polsko-ukraińskich / M. Siwicki. – Warszawa : Tyrsa, 1992. – 317 s.
25. Solak, A. Zbrodnia w Malinie – prawda i mity (1) [Zasób elektroniczny] / A. Solak // Myśl Polska: Kresy. – 2005. – № 29–30. – Tryb dostępu: <http://www.myslpolska.icenter.pl/index.php?menu=kresy&nr=2005071718269>. – Data dostępu: 30.03.2020.
26. Tomaszewski, J. The Civil Rights of Jews in Poland, 1918–1939 / J. Tomaszewski // Studies in Polish Jewry. – 1994. – Vol. 8. – P. 115–127.
27. Wenklar, M. Polacy w niemieckiej policji pomocniczej. Schutzmannschaftbataillon 202 w świetle zeznań jego członków / M. Wenklar // Studia nad Autorytaryzmem i Totalitaryzmem. – 2012. – Vol. 34, № 4. – S. 35–50.

22 ИЮНЯ 1941 г. И СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОЦЕНКАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ США¹

С.О. Буранок (Самара)

Нападение Германии и её союзников на СССР вызвало широкую и разнообразную реакцию в общественно-политических кругах США и Великобритании. Первые отклики на события 22 июня 1941 г., их анализ и оценки появились в западной прессе уже в день нападения. Правда, относительно небольшое число англоязычных периодических изданий успело опубликовать сенсационную новость. Так, в «Youngstown Vindicator»

¹ Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента РФ «Красная угроза» в оценках прессы США 1917–1941 гг. (МД-776.2019.6)